

БУДУЩЕЕ

ТОРГОВЛИ

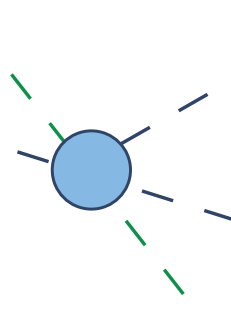
Политика может сыграть роль в формировании будущего многосторонней системы торговли, оказавшейся в тяжелом положении

Пинелопи Куяну-Голдберг

Годовщина 75-летия Бреттонвудских многосторонних организаций по иронии пришлось на времена, когда бросается вызов преимуществам многостороннего подхода. Особые сомнения вызывает функционирование нашей современной системы торговли. Какое будущее ждет торговлю в этих непростых условиях? Не является ли недавний всплеск протекционизма ознаменованием конца открытой, основанной на правилах системы торговли, которая способствовала глобализации? Или же мы можем ее спасти посредством разумной реформы?

В послевоенной мировой экономике наблюдался беспрецедентный рост мировой торговли и доходов. Существует множество объяснений этого роста: резкое сокращение информационных и коммуникационных издержек, технологические изменения, позволяющие повысить фрагмен-

тацию производства, политические изменения, такие как интеграция Восточной Европы и Восточной Азии в мировые рынки, и международное сотрудничество. Проблема в том, что количественное измерение вклада каждого из указанных факторов в рост торговли не обеспечивает четкой идентификации и не имеет надежных эмпирических доказательств. Но все же, учитывая основные принципы, заставляющие всерьез задуматься, эмпирические данные и неофициальные сведения, мало сомнений в том, что основанная на правилах, прогнозируемая система торговли в значительной мере способствовала торговле и обусловленному ей экономическому росту во многих частях света, особенно в Европе и Восточной Азии. К сожалению, участвовали не все. Некоторые страны, в частности, в Африке и Латинской Америке, остались позади, и появляется все больше

данных, свидетельствующих о том, что выигрыш от глобализации распределялся между жителями стран, которым торговля пошла на пользу, неравномерно.

И все же торговля всегда рассматривалась как важная движущая сила экономического роста. Преимущества открытой, основанной на правилах, многосторонней системы выходят за пределы тарифных и прочих торговых барьеров. Участвовать в ней может любая страна, малая или большая, которая удовлетворяет требованиям. Правила сокращают неопределенность и стимулируют столь необходимые инвестиции в развивающиеся страны. Они помогают странам дисциплинировать отечественных сторонников протекционизма. И они позволяют сильным странам принимать заслуживающие доверия обязательства не ущемлять небольшие страны, пользуясь своей позицией, что обеспечивает стимулы для небольших стран участвовать в торговых переговорах. В этой связи вызывает озабоченность недавно возникшая напряженность в сфере торговли, особенно в отношении развивающихся стран, которые еще не реализовали преимущества глобализации. Могут ли такие страны по-прежнему рассчитывать на то, что эффективно функционирующая многосторонняя система торговли поможет их интеграции в мировые рынки?

Структурные факторы

Эта озабоченность усугубляется замедлением роста мировой торговли, которое было очевидно еще до возникновения текущей напряженности в торговой сфере. Во время мирового финансового кризиса торговля пришла в упадок. Мировая экономика после 2008 года медленно восстановилась, но торговля так и не смогла вновь обрести свой прежний импульс. Предлагалось несколько объяснений, включая циклические факторы, такие как вялый спрос, особенно на товары длительного пользования и инвестиционные товары, которые более уязвимы к состоянию торговли; низкий уровень корпоративных инвестиций; и ограниченность торгового финансирования после кризиса. Но два главных объяснения носят структурный характер и поэтому вызывают большую тревогу, так как указывают на долгосрочные факторы, которые может быть труднее преодолеть. Этими объяснениями являются: 1) изменение веса китайской экономики и соответствующее увеличение внутренней добавленной стоимости Китая, и 2) убеждение в том, что фрагментация производства изжила себя, оставив лишь ограниченное пространство для дальнейшей международной специализации (Hoekman, 2015; Constantinescu, Mattoo, and Ruta, 2016). Здесь термин «фрагментация» относится к процессу разбивки производства на отдельные этапы, которые выполняются на разных предприятиях или разными компаниями, располагающимися в разных странах.

Данные подкрепляют первую гипотезу. Изменения во внутренней добавленной стоимости экспорта зачастую используются в качестве представительной переменной фрагментации. Более высокая фрагментация обычно свя-

зана с более высоким уровнем импорта промежуточных ресурсов и меньшим уровнем внутренней добавленной стоимости. Китай переживал отчетливо выраженное снижение своей внутренней добавленной стоимости — с коротким перерывом во время финансового кризиса — до 2011 года, что согласуется с общеизвестным участием страны в глобальных цепочках создания стоимости. Но после 2011 года внутренняя добавленная стоимость в Китае стабильно растет.

Эта тенденция важна для оценки роста торговли по двум причинам. Во-первых, учитывая, что торговля измеряется на валовой основе, а не на основе добавленной стоимости, более высокая фрагментация и участие в глобальных цепочках создания стоимости подразумевают более высокий показатель торговли из-за двойного счета ресурсов, пересекающих границы. Поэтому любое снижение фрагментации и операций в рамках глобальных цепочек создания стоимости приведет к снижению торговли на валовой основе. Во-вторых, Китай занимает большую долю на мировом экспортном рынке (см. рис. 1). Только Корея демонстрирует ту же тенденцию, что и Китай, — увеличение внутренней добавленной стоимости после 2011 года. У всех остальных стран внутренняя добавленная стоимость либо осталась неизменной, либо несколько снизилась, что согласуется с дальнейшей интеграцией в глобальные цепочки создания стоимости. Но на экспортных рынках доминирует Китай, поэтому он оказывает значительное воздействие на общую тенденцию.

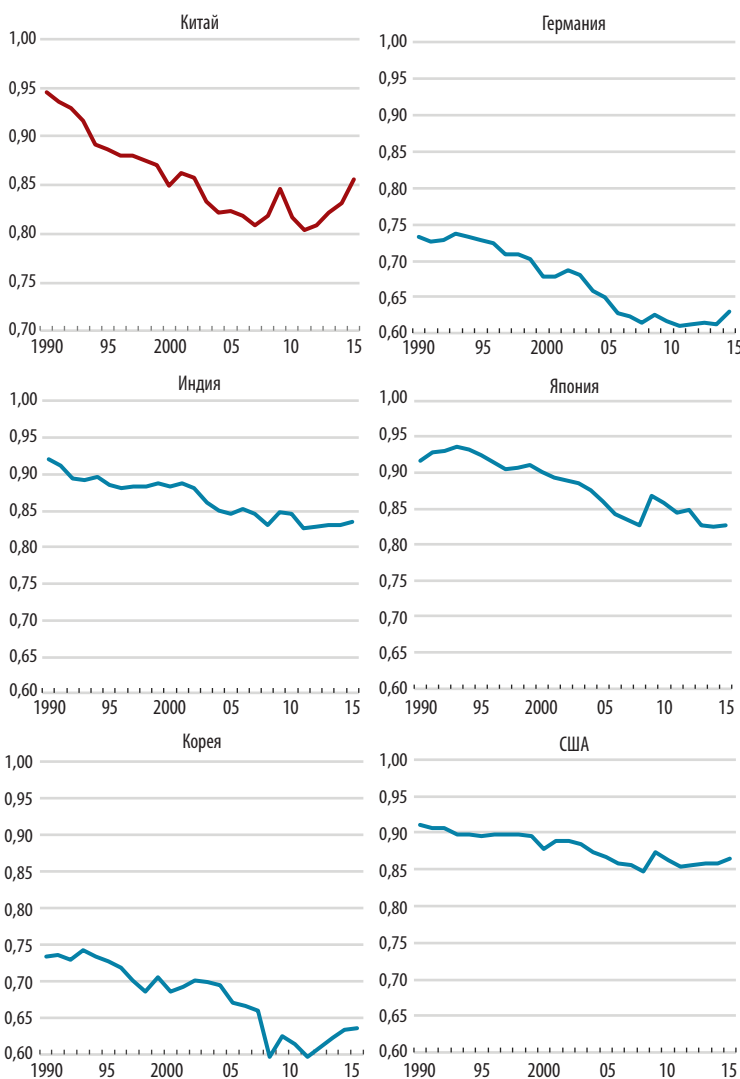
Данные в пользу второй гипотезы — о том, что фрагментация изжила себя, — более противоречивы (Gaulier, Sztulman, and Ünal, 2019). Одной из представительных переменных фрагментации производства, используемой в литературе, является торговля промежуточной продукцией. Промежуточная продукция — это сумма полуфабрикатов и так называемых комплектующих изделий и деталей. На рис. 2 представлен экспорт промежуточной продукции (зеленая линия) за 1990–2017 годы.

Экспорт промежуточных товаров до 2013 года показывал активный рост, с коротким перерывом во время мирового финансового кризиса, но с 2013 года по 2016 год стабильно снижался. На этот показатель, основанный на стоимости экспорта, влияет несколько факторов, включая цены на товары. На рис. 2 также представлен альтернативный показатель фрагментации, который более тесно увязан с торговлей товарами в рамках глобальных цепочек создания стоимости: доля комплектующих и деталей в общем исчислении в торговле промышленными товарами (красная линия). Эта доля увеличивается умеренными темпами с 1990-х годов и не проявила никаких признаков обратного хода после мирового кризиса. Кроме того, как доказывают Голье, Штульман и Юнал (Gaulier, Sztulman, and Ünal, 2019), эта динамика не была результатом действия эффектов отраслевой структуры. В рамках сектора электроники — одного из секторов с наибольшей международной

Рисунок 1

Китай на фоне остального мира

Китай занимает значительную долю мирового экспортного рынка. Среди сопоставимых стран лишь Корея проявляет сходную с Китаем тенденцию — резкое увеличение внутренней добавленной стоимости, начавшееся в 2011 году. (Внутренняя добавленная стоимость, доля валового экспорта)

Источники: Организация экономического сотрудничества и развития; База данных по добавленной стоимости в торговле (TiVA); Всемирная торговая организация.

Примечание. Тенденция во внутренней добавленной стоимости, взятой как процент от стоимости экспорта для отдельных стран.

фрагментацией, занимающего 40-процентную долю в торговле комплектующими и деталями, — наблюдаются совершенно непохожие изменения. В то время как доля торговли комплектующими и деталями относительно совокупной торговли офисной техникой и компьютерами снизилась, для телекоммуникационного оборудования она возросла. Наконец, глобальные цепочки создания стоимости по-прежнему расширяются с точки зрения охвата продуктов и стран: географическая и продуктовая диверсифика-

ция торговли комплектующими и деталями растет, если измерять ее количеством сочетаний продуктов и стран, за вычетом новых продуктов (Gaulier, Sztulman, and Únal, 2019).

В заключение, рост торговли в тех составляющих торговли, которые больше всего ассоциируются с фрагментацией, не показывает явных признаков замедления. Аналогично, аргументы о том, что автоматизация и искусственный интеллект приведут к «оншорингу» и сокращению торговли в будущем, не нашли эмпирического подтверждения. Во всяком случае, данные свидетельствуют о том, что эти достижения приведут к увеличению торговли ввиду повышения производительности. Если технологии не вызывают неизбежного замедления темпов роста мировой торговли, экономическая политика может сыграть ключевую роль в определении ее будущего. Но на фоне высокой неопределенности и противодействия глобализации желание либерализовать торговлю, похоже, тает. Для ориентира: количество новых региональных торговых соглашений в 2018 году упало до своего самого низкого уровня с начала 1990-х годов.

Луч надежды

Как же так получилось? Увеличивающееся неравенство в странах с развитой экономикой, несомненно, внесло вклад в формирование условий, создающих благоприятную почву для протекционизма, а то и активно требующих его. Кроме того, давнее разочарование функционированием нынешней многосторонней системы торговли привело к призывам ее реформировать или даже ликвидировать. Некоторые жалуются, что не все играли по правилам и что современная система торговли не является «справедливой». Очень многие обеспокоены государственными субсидиями, правами интеллектуальной собственности, вынужденной передачей технологий и манипулированием обменными курсами. Но есть надежда на то, что неудовлетворенность может привести к конструктивным реформам и более продуманной системе торговли в будущем.

Одним из источников неудовлетворенности являются процессы и интерпретация правил. Взгляды на эффективность существующего механизма разрешения споров, охват ограничений на субсидии и надлежащее управление предприятиями в государственной собственности различаются. Кроме того, традиционный подход Всемирной торговой организации (ВТО) «все или ничего», при котором *все* члены ВТО должны договориться *по всем* вопросам, превратился в оковы. Для завершения Кеннеди-раунда понадобилось четыре года, но раунд в Дохе, который начался в 2001 году, считается чуть ли не тупиковым. По иронии судьбы, как раз успешность ВТО, которая обеспечила практически глобальное членство и охват, оказывается самой большой проблемой организации, поскольку достичь консенсуса из-за этого становится все труднее.

Положительный момент состоит в том, что признание этой проблемы вызвало стремление к более гибким подходам, включая плюрилатеральные соглашения в пределах группы стран-единомышленниц (IMF-WB-WTO, 2018). В многосторонних соглашениях должны участвовать все члены ВТО, а плюрилатеральные соглашения затрагивают только подгруппу стран и позволяют членам принимать новые правила, если они того пожелают. ВТО по-прежнему предпочитает многосторонние соглашения. Но когда они невозможны, плюрилатеральные соглашения могут обеспечить второе наилучшее решение. Их преимущество, по сравнению с двусторонними или региональными соглашениями, заключается в том, что они в принципе доступны другим членам ВТО, если эти члены решат присоединиться позднее. Соответственно, они преодолевают потенциальную инерцию, связанную с полноценными многосторонними переговорами, не подрывая основных принципов многостороннего подхода. В этом направлении делаются отрядные шаги, включая Соглашение об информационных технологиях, первоначально подписанное в 1996 году и расширенное в 2016 году, в рамках которого 53 члена согласились на снижение тарифов, затем распространенное на всех членов ВТО. В качестве альтернативы ВТО стремится повысить гибкость, работая над многосторонними соглашениями, которые выделяют конкретные вопросы из более широких инициатив. Ярким примером служит Соглашение об упрощении процедур торговли 2013 года, направленное на совершенствование таможенной практики. Принятие этих двух соглашений свидетельствует об эффективности более гибкой ВТО.

Второй источник неудовлетворенности касается вопросов, которые должны стоять в центре международных переговоров и новых соглашений. Цифровая революция изменила характер торговли. Многие предприятия теперь действуют как звенья глобальных цепочек создания стоимости, охватывающих многие страны; несколько услуг, например, банковские и страховые услуги, теперь можно покупать у компаний из других стран; а электронная коммерция играет все более важную роль в трансграничных операциях. Рост в этих областях требует не только снижения тарифов. Он также требует работы с «внутристрановыми» мерами, которые стоят на пути трансграничной торговли (Mattoo, 2019). К ним относятся гармонизация внутренних правил; соглашение о защите прав интеллектуальной собственности; и консенсус по вопросам обращения с данными и деликатными проблемами неприкосновенности частной жизни. Эти вопросы до сих пор сложно решать даже в странах, которые в прошлом успешно провели либерализацию своих товарных рынков. Межстрановые различия в регулировании могут отражать разумную обеспокоенность стандартами качества, использованием в своих интересах международной рыночной позиции и защитой данных. Директивные органы обязаны обеспечить баланс между законным использованием внутрен-

Рисунок 2

Смешанная картина

Мировой экспорт комплектующих и прочих промежуточных товаров не позволяет однозначно определить, изжила ли себя глобализация промышленного производства или она все еще разворачивается. (Индекс; 2010 = 100)

Источник: База данных ООН по торговле товарами (COMTRADE).

Примечание. На рисунке представлены следующие переменные: экспорт комплектующих и деталей, экспорт прочей промежуточной продукции, экспорт промежуточной продукции (комплектующие и детали + прочее), 1990–2017 годы.

них норм для защиты потребителей и злоупотреблением протекционизмом. Торговая политика сама по себе не обеспечит прогресс в этих областях; необходимы также сотрудничество и координация в сфере регулирования.

Если размышлять о будущем, кооперация, которая необходима для стимулирования роста торговли, особенно услугами, с большей долей вероятности материализуется, если она осуществляется странами, находящимися на сходных стадиях развития и преследующими сходные цели. В этой связи региональные соглашения могли бы послужить полезной отправной точкой и дополнить многосторонние платформы. Международная торговля не обречена на неуклонный спад. Но она достигла критической точки выбора. Ее будущее принципиальным образом зависит от того, какую политику мы выберем. **ФР**

ПИНЕЛОПИ КУЯНУ-ГОЛДБЕРГ — главный экономист Группы Всемирного банка.

Литература:

Constantinescu, Cristina, Aaditya Mattoo, and Michele Ruta. 2016. "Does the Global Trade Slowdown Matter?" World Bank Policy Research Working Paper 7673, Washington, DC.

Gaulier, Guillaume, Aude Sztulman, and Deniz Ünal. 2019. "Are Global Value Chains Receding? The Jury Is Still Out. Key Findings from the Analysis of Deflated World Trade in Parts and Components." CEPII Working Paper 2019-01, Paris.

Hoekman, Bernard, ed. 2015. *The Global Trade Slowdown: A New Normal?* VoxEU.org eBook, CEPR Press.

International Monetary Fund, World Bank, and World Trade Organization (IMF-WB-WTO). 2018. "Reinvigorating Trade and Inclusive Growth." Washington, DC.

Mattoo, Aaditya. 2019. "Services Globalization in an Age of Insecurity: Rethinking Trade Cooperation." World Bank Policy Research Working Paper 8579, Washington, DC.